

Недavno опубликованный сборник рассказов «Кравотынь»¹ уже принадлежит к разряду книг, которые нельзя «пропускать» человеку, стремящемуся лучше разобраться в истории и ощутить, что русская литература, не только жива, но по-прежнему глубока и обжигающе правдива.

Сколько раз на памяти каждого из нас менялись оценки различных периодов российской истории XX века? Сколько раз каждая новая «правда» вынуждала свертывать вчерашних кумиров и презирать самих себя за доверчивость?

«Мы ненавидели Ленина за революцию, Сталина за репрессии, Хрущева за оттепель и продажных шестидесятников, Брежнева за застой, Горбачева за перестройку, но больше всех, сильнее, чем самих себя, мы ненавидели Ельцина за развал СССР. Он был последним, кто уничтожил смысл нашего существования...» — это признание из книги Александра Орлова «Кравотынь», из ее заключительной публицистической главы, задевает, беднит душу каждого честного человека, думающего по-русски, и, оказавшегося вдруг не гражданином мощной страны, а жителем одного из ее обломков.

Но возможно ли преодолеть эти преграды ненависти? Да, возможно, через признание всей правды: трагичной и героической. Через поиск и воссоздание подлинных фак-

тов жизни, от очевидных до самых потаенных.

Именно такому поиску и такому воссозданию посвящена книга А.В. Орлова «Кравотынь».

Александр Орлов больше известен читающей публике как поэт. Он — выпускник поэтического семинара Литинститута, автор трех стихотворных сборников. Однако в 2011–14 годах он становился лауреатом нескольких значимых литературных конкурсов именно как прозаик и публицист. И мне представляется, что это не случайно.

Рассказы Орлова, составившие книгу, не только переключаются, но нередко и «расшифровывают» образы из его стихов. К примеру, Томка (героиня одноименного стихотворения из сборника «Время вербы») является также рассказчицей Тамарой Федоровной в «Юродивых днях», «Свинцовых косах» и в «Плодоносном большаке».

Читать прозу А. Орлова — занятие трудоемкое, не располагающее к стремительности восприятия сразу многих осознанно сведенных на малом текстовом пространстве пластов исторической памяти.

Однако острое ощущение духа времени позволяет всего несколькими штрихами «вписать» героев в эпоху, укоренить их в ней.

Точные детали ушедшего быта говорят о вдумчивости и наблюдательности автора:

« — А мыла... мыла-то вообще не было, был каустик, вот им и стирали. Он едкий, правда, но в воду положишь — и ничего. А вшей сколько! Вши были повсюду» («Юродивые дни»);

¹ А.В. Орлов «Кравотынь», Российский институт стратегических исследований, 2015.

«Многому я в то время научилась: выкапывала обломки бомб, выгребала стекольные осколки, строгала и пилила тес, ямки вручную копала, а в июльскую сушь за водой на Волгу ходила. Ведра три всегда притаскивала, вот грыжа у меня и образовалась» («Плодоносный большак»);

«...мы всем городом взвыли, когда из икон кормушки для скота мастерили, а сколько ликов святых на собачьи будки пошло. Прости, Господи! Помню запах тех костров, странной он был, ладан напоминал, а дымовая завеса возносила в небо и пахла смирной» («Свинцовые косы»).

Во времена разгула «воинствующего безбожия» вера является для героинь и героев Орлова высшей и самой сокровенной стороной жизни, главной внутренней опорой, позволяющей выстоять в самых жутких испытаниях. «Как я тогда плакала, причитала, как безголовая, Богородицу на помочи звала, милиционер рядом стоял метрах в трех, и опять дядя Вася рядом оказался, взял меня за руку и увел. Знать до самой Богородицы докричалась» («Юродивые дни»).

Рассказ «Чужак» повествует о загадочном «дедушке» автора и в то же время является данью памяти Варламу Шаламову — одному из крупнейших и бесстрашных художников слова во всей русской литературе; писателю, чей лагерный опыт, ставший художественным материалом, надолго заслонил от подавляющего большинства читателей значение и мастерство его творчества.

«Блаженная пигалица» — короткая (все-го на пять страничек) и, не пробивающая читателя насквозь история. Уродливая карлица-горбунья Таня — вполне объяснимо ставшая объектом насмешек и передразниваний дворовых мальчишек родилась в мае победного 1945-го сразу после неожиданного и подлого обстрела. Одна из последних жертв войны, она с самого рождения оказалась обречена на покалеченную жизнь.

«Первые осенինы» напоминают о разговоре, услышанном в детстве. Сосед по даче — дядя Миша, веселый собеседник и щедрый садовод, воевал и служил в Германии в первые послевоенные годы. И яблоки разных сортов для него не только райские плоды, но и напоминание о жутком происшествии, случившемся уже в «мирное вре-

мя», и о беспощадных, неотвратимых последствиях этого происшествия: «В ту карамазую ночь в пригороде небольшого немецкого города не осталось ни одного дома, ни одного живого человека, мы до утра уютжили аккуратные домики и гостеприимных жителей. Обрушился мощный ливень, и весь поселок под тяжестью танков постепенно утопал в слякоти».

Нить через каждую историю протянута ко времени Великой Отечественной войны; и даже такой блестящий экскурс в наполеоновскую эпоху, как «Бородинское крещенье», напомним нам не только о событиях 1812, но также и об эпизодах 1941 и 1945 годов.

Внимание рассказчика чаще всего приковано к людям, которые из невзрачных или покалеченных стариков внезапно вырастают в настоящих героев: «Человеческое тепло, исходившее от него, словно распространялось по комнате. Я сидел напротив, не издавая ни звука, мне было страшно сделать любое движение, я словно прирос к табурету» («Коренной перелом»).

Рассказы-главы плотно пригнаны один к другому не только на тематическом, но и на ассоциативном уровне. Это уже не сборник рассказов в привычном понимании, это связанная и цельная история. Повесть памяти.

Два рассказа или, точнее, две главы повести представляются менее удачными, чем их «соседи» по книге.

«Бересклет» (озаглавленный по названию темно-пурпурной ягоды бруслины) — история, основная часть которой стилизована под письмо фронтовика. В «письме», выстроенном по законам художественной прозы, рассказано, как разведчики берут «языка», как пытаются его допросить, но вместо полезных сведений тот упорно, до самой своей гибели, зачитывает им строфы из баллады Гете «Лесной царь». В страшную неотвратимую реальность здесь вклинивается некая литературная игра, в которой автору не удается выиграть.

«Прусское древо» — по сути, не рассказ, а интервью в обрамлении неожиданного вопроса племянницы в начале и финальных размышлений автора. Несмотря на то, что информация об аристократических предках раскрывается в форме частного телефонного разговора, само изложение выглядит

чрезмерно официальным. Обилие исторического материала мешает проявиться возможному конкретному сюжету. От множества фамилий российских подданных немецкого происхождения начинает рябить в глазах; когда же упоминается имя Николая Адольфовича Эриксона и оказывается, что именно он командовал крейсером «Аврора» в октябре 1917 года, разговор вдруг обрывается фразой: «но это уже тема моих новых поисков».

Кстати, следующая после «Прусского древа» глава, названная «Промысел», также посвящена генеалогическим поискам, но внезапно обнаруженное судьбоносное пересечение в жизни двух незабытых предков выводит зарисовку для «живого журнала» на уровень подлинно художественного явления.

Прочитанная «Кравотынь» порождает недоумение — книга совсем тонкая, всего-то сотня с небольшим страниц. Но сколько судеб удалось «вскрыть» автору, сколько потрясающих подробностей уместилось под этой обложкой песочного цвета с багровой полосой! Именно такое завораживающее

впечатление вероятно и подтолкнуло признаться писателя и преподавателя Литинститута Александра Петровича Горопцева: «это сама жизнь, судьбы людей, о существовании которых в Советском Союзе я, например, даже не догадывался. И знаешь, Саша, хочется продолжения».

Продолжения, действительно, хочется. Но, оказывается, писать всерьез, глубоко погружаясь в переломную эпоху войны и восстановления нашему современнику выматывающе сложно. «Да, есть пара историй, только сил нет на них. Я, когда писал «Кравотынь», все время вспоминал Астафьева, Богомолова, Бондарева: сколько же внутри у них существовало того, что нам они открыть так и не смогли, а как жить с этим?» («Петрович»).

Это больно — говорить и слышать правду. Но выжить и жить дальше возможно только с ней. Главное, вместо вечного страха перед «непредсказуемым» прошлым нужно мужество, чтобы всмотреться в это прошлое заново, и отбросив бравурные и покаянные лозунги, сделать первый шаг от ненависти к любви и миру.